

Воскресенье – хороший день. Вставать спозаранку не надо, завтракать наспех и на работу бежать не надо, делай, что хочешь. Столько всего можно сделать, на что в рабочие дни времени не хватает!

В то воскресенье я встал часов в девять. Да и дольше бы в постели провалялся, если бы соседский пацан «Битлов» не завёл на своей шарманке. «Йестуде-е-ей...» Растудей его с его «Битлами».

Ну ладно, на завтрак маманя яичницу сделала с колбасой и кофе с цикорием. И где она это кофе достаёт? А хорошо с утрачка кофейком побаловаться. Юрка Столяров, правда, смеётся – какое, мол, это кофе. Ну, правильно, у него папаша в главке работает, у них кофе из зёрен – и запах другой, и вкус... Мы с Колёсиком у него однажды даже виски настоящее попробовали. Бутылка у его папани в серванте стояла початая, вот Юрец нам по полрюмашечки и налил. Ну не водка, конечно! А всё же таки кофе с цикорием лучше, чем грузинский чай.

Потом я к Колёсику пошёл. Тот уже возле сарая покрывку от ЗИЛа, наполовину вкопанную в песок, молотом обрабатывал. Босиком и в одних тыхасах, вспотел уже весь. Где-то он прочитал, что и Брюс Ли, и Мухаммед Али так резкость удара нарабатывали. Вот и молотит покрывку каждую свободную минуту. Может, и правда помогает – удар у Колёсика дай бог каждому. А мне больше плавать нравится: и мышцы укрепляет, и они не дубеют при этом, не закрепощаются, эластичными остаются.

Колёсик надел футболку и сказал, что сегодня нужно сходить за реку. Тамошние оборзели совсем, нашего парня избили. За то, что ходит на их территорию. А как ему не ходить, если там его ПТУ? В общем, нужно разобраться.

У моста нас уже ждали Гена, Папуля и Юрец. Ну и Саня – парень, которому навалили.

Говорит: никого не трогал, ничего не говорил, шёл себе в профуру. Налетели, окружили и наклали. Человек семь. Главный, как всегда, Красавчик.

Красавчик этот мне особенно не нравится. Приятель его старшего брата – боксёр-перворазрядник. Вот он и кичится. Сам-то дерётся так себе. Можно сказать, никак, но связываться с ним не любят. Знают, что этот знакомый его брата скоро камээса получит.

Но у нас тоже кое-кто за спиной есть. Витя-боец. Он уже камээс, и тот перворазрядник на нас из-за Вити не полезет. Скажет Красавчику: сами разбирайтесь. Такой политес.

Я так думаю, если бы Красавчик знал, что Саня из наших, не стал бы на него тянуть. Потому что заречные если кого и побаиваются – так это наших. Как-то на танцах Красавчик полез было на Колёсика, но тот ему свет быстро выключил. А брат, зная про Витю-бойца, вместо чтоб заступиться, ещё и отвесил ему: лезешь, так дерись, да и вообще – знай, на кого лапку задирать.

Саня что-то в последний момент заочковал, говорит Колёсику: не маловато нас? Но Колёсик даже и не ответил. Просто говорит: пошли. За мостом мы собрались, так внутренне поджались. Не шутка, эти заречные совести не знают. Могут и ножичком.

Они, как всегда, на стадионе болтались. На трибунах. Увидели среди нас Саню и всё поняли. Двое-трое даже сразу слиняли так незаметненько. Но Красавчик – он наглый, улыбается: о, какие люди в Голливуде, какими судьбами?

Папуля прямо с ходу влепил ему в челюсть, он тоже этого Красавчика терпеть ненавидит. Красавчик, правда, готов был, и удар вскользь пришёлся. Ну, и тут началось махалово. Даже Саня разошёлся, хотя, по правде сказать, трусоват он. Но за компанию все смелые.

Я с Борьком схватился, с дружкой Красавчика. И сделал глупость: вместо того, чтобы кулаками работать, сцепился с ним бороться. А он меня головой как боднёт в лицо! Я такой подлости не ожидал, а лобешник у него крепкий, ну я и поплыл. Хорошо, не свалился. Отпустил его, вспомнив, как Витя-боец учил, и стал кулаками по печени бить. Тут и он остановился, видно, удалось пробить печень-то. Ну, и пока мы с ним так стояли, в себя приходили, всё кончилось. И Красавчик, и другие побежали, а Колёсик подскочил к нам и двинул Борька боковым, так что тот сразу рухнул. Хотелось мне очень пнуть его пару раз, но сдержался, мы лежачих не пинаем. А Красавчик вот сдерживаться не стал бы, это точно.

В общем, отметилили мы заречных и усталые, но довольные, пошли в «Снежинку». Саня говорит: угощаю. У Сани, как и у Юрца, всегда деньги есть – у него родители богатые: мать экономист в управлении, а отец начальник цеха. Он и Саню после ПТУ к себе забрал и заставил в вечерний техникум поступить. В «Снежинке» мы встретили Веру. Колёсик аж зарделся весь, когда её увидел. Ну, посидели, поели мороженого, поболтали. Я, как всегда, шоколадное с грушевым сиропом взял. Саня Вере про заречных рассказал, и так всё вывернул, поросёнок, что будто бы только благодаря его стойкости мы и отметилили заречных. Но никто не обиделся, посмеялись вместе с Верой и договорились, что после обеда вместе купаться пойдём.

За обедом маманя опять завела волюнку, что, мол, в техникум поступать надо, вон Саня... Ну, понятно... Я ей не сказал ещё, что пред-

ложили мне идти проводником спецвагонов. Зарплата там – в три раза больше, чем в моём цеху, нафиг мне техникум. Только вот командировки месяца по два-три. Даже не знаю: с одной стороны – деньги, а с другой – от ребят оторвёшься, тренировки придётся пропускать. Да и скучно две недели в дороге, там в основном дядьки пожилые – лет по сорок. О чем с ними...

На пляж я пришёл, когда все наши уже были там и играли в карты. Вера в карты не играла, и Колёсик тоже не стал, да и я карты не уважаю. Я бы лучше повалился с книжкой, да неудобно как-то. Не принято. Колёсик принёс гитару и пел для Веры. Песен он знает – до черта. И Высоцкого, и эмигрантов, и старые наши дворовые. Эмигрантов Вера, правда, не любит, мата там много, и Колёсик при ней их не поёт. Так, в основном весёлые или жизненные, там «Друзья, купите папиросы», «У ней следы проказы на руках» или «Там, где речка, в речке козий брод, глотает воду по утрам колхозный скот...», в общем, разное.

Она Колёсику как-то сказала: ты бы выучил Визбора или Окуджаву. Ну, он послушал однажды Батонов, и сказал, что это не то. Хотя Батоны хорошо на гитаре играют, лучше Колёсика, честно надо сказать, но песни... Нет, кое-что мне даже понравилось, но большей частью уж очень занудно, не то, что Высоцкий. Батоны, они вообще странные. Не пьют совсем, не курят. Но и спортом не занимаются. Хотя и не трусы вовсе. И подраться могут. Смешно смотреть, когда они встают спиной к спине, похожие, как два батона, и отмахиваются хоть от целой толпы. Даже тем, кто нападает, смешно становится – и уже не до драки.

После реки мы с отцом разбирали погреб. Хорошо, когда есть около дома сарайка с погребом. Вон Папуле приходится на автобусе в гараж за картошкой ездить. А тут вышел из квартиры – и вот, пожалуйста, – хоть велосипед поставить, хоть картошку, капусту, соленья всякие хранить.

Вечером, как всегда, пошли на танцы. Опять эта дурочка из ДК пела под Пугачёву. Неужто самой не ясно, что не тянет. Позорится только.

Увидели в толпе Красавчика с его шоблой. Я подумал, опять придётся схлестнуться. Но нет, мы на одной стороне танцплощадки топтались, они на другой. Среди танцев подошёл ко мне Борёк, я напрягся – он подлый, чего хочешь может. Но он мирно так поздоровался и говорит: здорово ты мне по ливеру настучал, умеешь. Я из вежливости ответил: да и ты мне по калгану зазвездил не слабо. Но тут он увидел, что Красавчик смотрит на нас неодобрительно, кивнул и отошёл. Я оборачиваюсь, а ко мне уж Колёсик с Папулей пробираются сквозь толпу: ну, чего? Я им говорю, ничего, всё нормально.

Колёсик спрашивает: Веру не видел? Нет, не видел. А сам подумал: пойдёт тебе Вера на танцплощадку. Жалко его, ясно ведь, не его она поля ягодка. И как она вообще в нашу компанию затесалась? Кажется, всё-таки не из-за Колёсика. Хотя улыбается ему, песни слушает и вообще... Институт закончит и уедет, конечно...

Потом, когда мы уже сидели в беседке у реки, Вера вдруг пришла. Тут наши материться стали пореже и как-то поделикатнее, что ли. А Вера даже выпила вермута прямо из горла, чем нас всех удивила. И сразу ближе как-то стала. Ну, в каком смысле ближе. По-настоящему-то не ближе, конечно, но всё же...

Тут я зачем-то ляпнул, что мать пристаёт с техникумом, а есть возможность в депо перейти на хорошую зарплату. Все начали спорить.

А Вера говорит, деньги не главное, с образованием будут и деньги. Тут все ещё сильнее зашпорили, прямо гвалт поднялся.

Я вышел из беседки, посмотрел на небо, а там звёзд – пропасть! Слышу, Вера за спиной говорит: Млечный Путь сегодня – загляденье. Тут и Колёсик вышел. Ребята в беседке как с цепи сорвались, спорят, кричат, а Вера нам с Колёсиком созвездия показывает: это Кассиопея, это Андромеда, левее Большой Медведицы – Гончие Псы, а там вон, на западе, белая яркая – Венера. Уже совсем низко, скоро зайдёт... А самая яркая звезда в нашем полушарии во-он та, ниже Гончих Псов – Арктур, смотрите, как мерцает...

Действительно – красиво. А я кроме Большой Медведицы да Полярной звезды ничего и не помню, хотя в школе в шестом классе в кружок астрономии ходил...

Потом Колёсик пошёл провожать Веру домой, и, уходя, она сказала мне: поступай в техникум, обязательно поступай.

Дома все уже спали, я напился из-под крана холодной воды, потихоньку разделся и лёг. В окно тыкалась сирень, сквозь листья были видны звёзды, но не так много, потому что на углу горел фонарь.

Какой хороший день получился, думал я, пытаюсь разглядеть сквозь сирень Арктур. Всё-таки воскресенье – это здорово. И уже засыпая, подумал: правда, что ли, в техникум податься?

* * *

Слишком рано иногда жизнь подбрасывает нам ситуации, выходить из которых без потерь мы не умеем. Но ей – жизни – всё равно. На вот тебе, и что хочешь, то и делай...

Было это мне лет, помнится, шесть или семь. Лето солнечное, сирень в окно тычется, где-то вдаль город несильно шумит, жили-то мы на окраине... Родители на работу ушли, братья у бабушки в деревне... И вот слышу: за окном кошка кричит, и даже сказать, не кричит, а воет как-то. Посмотрел в окошко – не видать. Умылся, позавтракал, гулять вышел. Слышу – воет. Полез я в сирень – посмотреть. А там, в самой гуще, лежит кошка. Живот распорот, кишки на земле, а в кишках черви белые копошатся. Я так и застыл. А кошка смотрит на меня, глаза уже потухшие, с гноем, но я понимаю, что она меня если и не видит, то чуёт.

Кто её так? Может быть, под машину попала, может – собака порвала, а может и мальчишки... Мальчишки ужас какими жестокими бывают. Видел я однажды (подростком уже) как сверстники мои такую вот кошку бензином облили и подожгли. Дрался я с ними до выбитых зубов.

И что же мне было делать? Даже в семь лет я понял, что помочь ей уже ничем нельзя. Невозможно, хотя и мелькнула попервоначалу мысль о ветеринарной лечебнице. Возили мы туда свою кошку, когда она лишай подцепила...

Кошка воет, агония у неё, и мне кажется, что она от меня ждёт помощи. А до неё дотронуться страшно...

В общем, убежал я в соседний двор и тамошних приятелей своих подбил на речку идти, купаться. Да так целый день в воде и пробултыхались. Очень мне хотелось забыть про кошку в сирени. И забыл. До вечера.

Вечером шёл домой и всё боялся, что услышу вой из сирени, но нет, не услышал. То ли сдохла кошка, то ли унёс кто-то на лопате на помойку. В общем, кошка забылась.

А вспомнил я её подростком, классе в восьмом, когда открыв для себя Бабеля, наткнулся в его «Конармии» на эпизод с раненым в живот конармейцем. Тот, где автор-герой не стал достреливать смертельно раненого, и его, чтоб не мучился, дострелил другой конармеец...

Конечно, конечно, тут человек, а там какая-то кошка, но ведь и было-то мне тогда не больше семи лет.

Вот что надо было бы сделать, думал я, сидя над раскрытой книгой, нужно было кошку быстро добить. Хотя бы камнем что ли. А я не догадался...

* * *

День был совершенно обычным. Саня расслабленно брел по весенней улице, щурился на ошалелое апрельское солнце и всем телом ощущал, что именно в девятнадцать лет начинается настоящая жизнь. Он уже забыл, что ощущал подобное в четырнадцать почти в такой же вот апрельский денёк; и не знал, конечно, что снова почувствует это и в двадцать пять, и в тридцать, и даже в сорок.

Знакомая улица, родной городок, всё равно – по улице идёшь или по коридору из кухни в комнату в собственной квартире. Из окон бодрое радио, на потеплевших ветвях городских тополей бодрые воробьи. «С бодрым утром!» – мысленно улыбнулся Саня, но шагу не прибавил и не взбодрился, вливаясь в общий трудовой срединедельный ритм. Быть полусонно оглушенным солнцем и тополиным клейким запахом было хорошо... К тому же теснилось в лёгких что-то непонятное, подстерегающее впереди – хорошее или плохое – неясно.

Оно появилось буквально через десяток шагов... У тротуара остановился автобус с траурной каймой по серому борту, и водитель деловито распахнул створки задних дверей, которых не бывает в обычных автобусах. Из переулка вышли люди и Саня невольно остановился. Несли гроб. В гробу лежал некрупный покойник с чистым, светлым, слегка небритым и очень спокойным лицом. Нос индифферентно смотрел в голубенькое небо, а губы были сжаты в тонкую, едва улавливаемую ироническую усмешку. Знаю, мол, кое-что, что вам всем еще только предстоит узнать.

Саню давно задевало это событие – смерть. Даже не сама смерть, а что-то трудно понимаемое, что она за собой влечет. И даже не так. Куда уходит то, что наполняло человека, когда он был жив, куда всё это девается – мысли, чувства, идеи, страсти. Куда? Не верилось, что всё просто исчезает. Нет, конечно, Саня не верил ни в какие загробные жизни и реинкарнации, о которых любили рассуждать некоторые его начитанные, тяготеющие к романтическому диссидентству приятели.

Люди с черными повязками ловко погрузили гроб в автобус, и через минуту улица опустела. Саня пошёл дальше. Ощущение полноты жизни не пропало, и даже не потому, что покойник из переулка был для Сани никем. Просто каким-то седьмым чувством Саня понимал, что всё это естественно и не страшно. Хоть, может быть, и слегка печально. Да и то лишь потому, что до конца не понятно...

И вдруг Саня остановился. Его осенило. Он даже и не представлял, что такое сильное чувство вообще возможно. Осенило удивительно – сильно, но парадоксально спокойно, без экзальтации и какого-то особого потрясения. Но чувство было таким глубоким, что он забыл, куда и зачем шёл. Он вдруг понял, что тоже умрёт. Нет, конечно, он всегда

знал это. Но знал как-то отстранённо, холодно – умом: все умирают, и он умрет. Но сейчас он понял это совсем по-другому, всем своим существом, всей душой, всем своим молодым телом. И это опустошило его, оглушило. Что теперь с этим делать? Для чего ему вдруг дали это понимание? И кто дал? Бог? Но бога нет! Или есть?!

Саня брёл по знакомой улице, не замечая ни апрельского веселого солнца, ни миниатюрной листвы тополей, ни воробьёв, митингующих на усыпанном крошками батона канализационном люке. Ему стало ясно, что для него началась новая, неведомо куда уходящая жизнь. Ясность и чистота этого дня ушла, он смотрел на город словно через осколок зеленоватого бутылочного стекла, почти ничего не слышал, потому что прислушивался к тому, что эхом отдавалось в груди и в голове после того короткого озарения.

Через несколько дней Саня уволился с работы, тайком сжег в ванной комсомольский билет, выбросил студенческий своего вечернего техникума и уехал из города; и только через год его городские приятели узнали, что он поступил в семинарию. Шёл тысяча девятьсот семьдесят девятый год...

Что главное в окрошке

В окрошке главное что? Главное – делать всё с охотой, с предвкушением, можно сказать, с любовью. Август, солнце в зените, и жара звенит. Муха разомлела между рамами и лишь изредка взжужживает. Время к обеду, и в желудке поурчивает. А мы на скорую руку, но не торопясь. Берём зелёный лучок, неторопливо промываем его под холодной водой. И лук моем, и удовольствие получаем. Тяпаем его острым ножичком – хрум-хрум-хрум – на деревянной доске, а потом кладем в ёмкость и смешиваем с крупной солью. А потом толкушкой, опять же деревянной, тщательно разминаем его. В столовых и ресторанах этого, как правило, не делают. Поэтому окрошка там не настоящая, не живая, не такая духовитая, какой ей положено быть. Оставляем размятый лук пропитываться солью и берёмся за другие ингредиенты.

Заранее сваренную картошку в мундире – чуть-чуть, самую малость недоваренную, чтобы не разваливалась, режем кубиками, крупными или мелкими – это уж на вкус индивидуума. Потом огурчики. Потом сваренные вкрутую (и чем круче, тем лучше) яйца.

Это основа. Дальше – изыски. Есть, например, любители рубить в окрошку квашеную капусту. Можно? Конечно, можно – не противоречит. Дальше ещё интереснее. Самый простой вариант порубить варёную колбасу – такой нехитрый вариант «мясной» окрошки. Кто-то скажет – фи, колбаса! Правильно! Лучше нарезать куриное филе или отварную телятину. Всё, конечно, хорошенько перемешать, наслаждаясь огуречно-луковым запахом, пробуя на соль. И дать этой смеси немного постоять, пропитаться луковым и огуречным соком.

Да – чуть не забыл! Есть любители крошить в окрошку помидорчики. Хотя классическая окрошка такого ингредиента не предполагает, я не против и даже – за. Помидоры украшают окрошку и зрительно, и вкусово. Но не настаиваю, не настаиваю...

Теперь что? Теперь – квас. Какой квас? Это тоже дело вкуса. Но окрошка на магазинном «бутылочном» квасе – это перевод продукта. Есть можно, но – от безысходности. Бочковой квас – другое дело. Это

уже более или менее – зависит от того, как квас изготовлен. Но самый вкус – это квас домашний, и лучше всего по деревенскому рецепту – ядрёный, крепкий, настоенный, ароматный. И тут тоже – дело вкуса; кто-то любит окрошку сладковатую, кто-то с кислинкой, а кто-то и с горчинкой даже.

Не надо заливать всю приготовленную смесь сразу. Положить сколько нужно в тарелку и уже в тарелке залить квасом. Несъеденную смесь – в холодильник; правда, долго она там всё равно не простоит будет съедена в ближайшие двадцать четыре часа. И всё же большие объёмы – про запас – готовить не стоит, главная прелесть окрошки – в её свежести.

Итак – квас, заключительный штрих – ложка сметаны и – вперёд!

Вот она – тарелочка с голубой каёмочкой. Стоит на белой скатерти или на неструганном дачном столе, или на алюминиевом пикниковом шатком столике под шелестящей берёзой, или... да какая разница, на чём и где. Стоит и манит – ну давай, зачёрпывай разноцветное лето деревянной – непременно деревянной! – ложкой. Хлебни со всхлипом, со вкусом, со стоном, с вожделением, зажмурь глаза – м-м-м. И зубами в горбушку ржаного – чем чернее, тем лучше, – хлеба. Да не забудь в спешке желания посыпать эту прелесть – окрошку, конечно же, а не горбушку – укропчиком и петрушкой. Мама моя, что за чудо... Блаженство...

Нет-нет, ещё не всё.

Есть ещё один вариант. И не воротите нос, пока не попробуете. Нет, попробуйте, распробуйте, вникните и проникнитесь, осознайте и только потом решайте – нравится или всё же нет. В моей деревне вместо колбасы или мяса в окрошку кладут... кильку в томате. Правда-правда!

Знаю, как-то это необычно, как-то... И даже не знаю, как вас убедить, что – не противоречит. Да просто попробуйте! Возьмите обычную, банальную, полузабытую, советскую (она ещё продаётся, как ни странно) банку «Кильки в томатном соусе» и выложите содержимое в тарелку с окрошкой. Всё изменится – и цвет, и запах, и вкус. Но это по-прежнему будет окрошка. Другая. Но оччень вкусная. И главное, ни в одном ресторане вы такую окрошку не попробуете. Это аутентичная окрошка. Эндемичная. Это вам не космополитичный фастфуд.

А главное ещё что? Пока готовишь это летнее чудо, столько всего вспомнишь – и детство, и деревенских друзей, и набеги на чужие огороды за первыми огурчиками-пупльятами, и бабушку, подливающую квасок из запотевшей кринки в общую большую тарелку с той же окрошкой на деревенском столе, и цыпки на ногах, смазанные сметаной, и острый запах дедовой махорки, и утомлённые взмыки коров, с тяжёлым выменем возвращающихся с пастбища, и щёлк пастушьего кнута, и алую герань на окне, и пронзительный крик ласточек-касаток, и блики августовского солнца на ряби пруда, и грустный отъезд в город накануне сентября, и прощание с летом...